

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.Ю. НАГАЙКО,

*к.и.н., руководитель учебно-научного
центра устной истории ГВУЗ*

*«Переяслав-Хмельницкий государственный
педагогический университет им. Григория Сковороды»
г. Переяслав-Хмельницкий, Украина*

Оценки значения Второй мировой войны для истории человечества, научные и общественно-политические интерпретации причин, событий и последствий этой катастрофы, сформировали общее негативное отношение, как к ее виновникам, так и к самой сути данного явления. Две тоталитарные системы, гитлеризм и сталинизм, создали почву для имперских посягательств, геноцида, братоубийства, издевательств, насилия, грабежей, унижения, попустительства прав человека, на территории шестидесяти одной державы мира. Сегодня война однозначно осуждается цивилизованным мировым сообществом. Чтобы подобная катастрофа не повторилась снова, ее исследуют и осмысливают уже не одно поколение ученых.

За лаконичной дефиницией «Военное лихолетье 1939–1945», которая иногда используется исследователями для обозначения одного из самых ужасных за своими губительными последствиями периода истории человечества – Второй мировой войны, находится необъятный информационный пласт, содержащий злободневную правду исторического бытия миллионов граждан, значительный процент которых составляли украинцы. Однако, имея огромные потери в этой войне, Украина до сих пор не получила своего собственного устойчивого взгляда на трагедию, которая постигла миллионы ее жителей. Причинами этого являются непростой путь, который прошла отечественная историческая наука в условиях тоталитарного строя, а также сложные обще-

ственно-политические процессы, которые формируют сегодня неоднозначное восприятие различными общественными группами событий того времени. Некоторые трактовки, которые как на научном уровне, так и на уровне политических элит и рядовых граждан определяют общественное мнение и формируют историческую память, сегодня достаточно заангажированы, а иногда даже спекулятивны. В отличие от общемировой и, в частности, европейской практики искупления и примирения, памяти жертв, а также осуждения соответствующих политических режимов и идеологий, например, в соседних с Украиной Россией и Белоруссией понятие «Война», кроме общей трагической визии, несет в себе и другую, не менее значимую составляющую. А именно: полученная в войне Победа выступает базисной основой для утверждения идеологических мифов, призванных объединить полиэтничное общество в условиях федеративного государственного устройства, а также способствует укреплению властной вертикали.

Советская идеология исповедовала практику торжественно-помпезного празднования Великой Победы. Мемориализации всенародного подвига, патетико-героический образ войны в трудах историков, художественных произведениях и киноискусстве заложили фундамент для построения мифа о Великой Отечественной войне, как о явлении с четко обозначенным двумерным ценностным спектром: «Наши и немцы», «буржуазные националисты и народные мстители», «герои и предатели» и т.д. Подобные категории не оставляют места взвешенным объективным оценкам, которые часто воспринимаются как крамола. В этой ситуации незыблемым и неоспоримым мыслится право страны-победительницы, которой представляет себя Россия в послевоенном мире, влиять на общественное мнение и насаждать собственную трактовку событий, которые по своей сути априори не должны восприниматься как-либо иначе. Таким образом, насаживается монопольное видение событий военного времени.

Говоря об этом, нельзя не обратиться к мыслям отечественного исследователя М.В. Коваля, который одним из первых открыто, выступил

за объективное изучение истории Второй мировой войны. Они высказаны и содержатся в статье опубликованной посмертно в 2003 году. На наш взгляд, именно они, рядом с «новым видением» В.Сарбея заложили теоретико-методологический фундамент, а выражаясь военной терминологией, плацдарм для современных украинских историков войны.

В частности, М.В. Коваль утверждает: «Празднование юбилейных дат Великой Отечественной войны не может сводиться лишь к бездумной и безудержной глорификации, акцентировании только на подвигах и победах. Такие упрощенные схемы не имеют ничего общего с исторической наукой и наносят вред сознательному и адекватному восприятию настоящей, а не выдуманной истории всенародной эпопеи. При условии правдивого и честного показа многогранного переплетения трагедии и подвига, славы и бесславия, смерти и бессмертия эта эпоха станет понятной и близкой потомкам...». Далее он продолжает: «...Но не все отечественные авторы сумели выдать из себя раба и выйти на уровень доидеологизированной демократической историографии. С конца 80-х гг. продолжается процесс самостоятельного переобучения отечественных историков, усвоение ими норм цивилизованной историографии, общедемократических принципов авторской культуры и простых, в частности, истин: как следует и как не следует писать труды по исторической проблематике. Задача состоит и в том, чтобы понять, что демократическая историография лишена огрехов конъюктурщины – признак западноевропейского общества. Войти в Европу с тоталитаризированной исторической наукой Украине не удастся» [6, 4-5].

Признавая Вторую мировую войну центральным событием XX века М.В. Коваль отмечает, что процесс формирования новой историографии объективно назрел, а поэтому неотвратим. Итак, на современном этапе развития отечественной историографии мы имеем новый поворотный момент, который способен более объективно раскрыть будущим поколениям правду о войне.

Историк А.Мингазутдинов, характеризуя украинскую историографию 1990-х гг. замечает: «Труды М.В. Коваля – скорее исключение,

в большинстве случаев мы имеем дело с поверхностным, тенденциозным политизированным толкованием событий и явлений» [11, 43].

Сегодня, учитывая мнения авторитетных современных исследователей, можно говорить о том, что созданные в советское время, а также и в период независимости на недостаточной документальной базе конъюнктурные исторические исследования обусловили необъективное в целом освещение истории Второй мировой войны. Историк Р.Сербин о такой ситуации говорит: «Возникла новая коллективная память, которая отражала то, что о войне писала советская историческая наука. А писала она под диктовку компартии» [16, 39].

Стоит отметить, что между откровенным замалчиванием целого ряда тем и неоправданным героико-патетическим пафосом победителей терялась наиболее острая – социальная тематика. Более широкую оценку ситуации, которая повлияла на развитие историографии войны, дает современный отечественный теоретик А.Е. Лысенко: «...Тоталитаризм исказил массовое сознание, восприятие действительности и превратил двойные моральные стандарты в норму. Особенно ощутимо это сказалось на формировании знаний и представлений о нашем прошлом. Клонированные в высоких партийных кабинетах парадигмы с помощью ученых мужей обрастали соответствующей аргументацией и через учебники, средства массовой информации, массовые идеологические средства внедрялись в сознание миллионов людей» [9, 3].

Привычка воспринимать исторические факты в идеологическом сопровождении напрямую отразилась на изучении социальных аспектов истории Второй мировой войны. Тот же А.Е. Лысенко относительно этого обстоятельства замечает: «На периферии научного интереса остается сфера социальной истории. Именно этот сегмент прошлого у нас остается наименее проработанным, и именно он обещает самые интересные и весомые достижения в перспективе» [9, 7].

Историческая правда и сегодняшнее общее общественное восприятие событий того времени существенно отличаются от искусственной модели исторической памяти о войне, которая была сформирована

в условиях советской действительности. За последние два десятилетия общественное осознание и научное изучение событий Второй мировой войны позволили констатировать, что эта тема приобрела ярко выраженную социальную окраску.

Социальная история как приоритетное направление научного поиска утвердилась в европейской историографии задолго до того, как отечественная историческая наука освободилась от идеологического диктата. Вместе с новыми методологическими подходами и приемами она развилась сразу в нескольких направлениях, сосредотачивая свое внимание на микроуровневых процессах исторического развития общества, особенностях повседневного существования, условиях быта, психологии и т.п. Целесообразно перечислить некоторые из них: локальная история, история «снизу», история ментальностей, новая культурная история, городская история, история семьи, гендерная история, история повседневности, устная история и другие. В более широком смысле можно говорить о них, как о сегментах исторической антропологии. Предмет ее исследования представляет принципиально иной исторический фон по сравнению с политической макроуровневой доктриной советской исторической школы, где основными акцентами, на которые направлялся взгляд исследователя, были руководящая роль коммунистической партии, рост экономических показателей и т.д. Существующий классовый подход исключал антропоцентризм из подобных исследований, где «народные массы» выступали общей безликой субстанцией, которая была лишена конкретной индивидуальности.

Каждый историк в своем исследовании стремится воссоздать прошлое. По мнению немецкого ученого Ранке, именно это и должно являться его основной целью и задачей. Два основных направления в европейских студиях, применяемых в изучении истории войны – деромантизация и деглорификация. В.Стецкевич отметил, что современные европейские исследователи придерживаются гуманистического подхода в изучении всех войн. Их основное внимание сосредотачивается на судьбе простого человека в условиях военного лихолетья. Прибегая

к оценке состояния современной историографии войны, ученый утверждает: «Объективно, она пока только выходит на уровень описание истории народа Украины». Вместе с тем, ученый определяет основные тематические векторы исследовательской рефлексии: «Человек и его судьба в прошлой войне», «очеловечивания истории войны» [20, 15]. Предлагаемая им классификация спектра актуальных социально-ориентированных тем демонстрирует сознательное акцентирование на антропо-психологической модели изучения войны, где доминантами выступают социокультурные, этнокультурные, этнопсихологические, духовные векторы исторического познания. В частности, подчеркивается привлечение новейших методик, выработка методологических подходов, обеспечивающих формирование нового массива источников, обеспечивающих сохранение народной памяти о периоде войны.

Итак, определяя доминантные аспекты исследования истории Второй мировой войны украинские исследователи, еще в начале 2000-х годов признали перспективу именно ее социальной составляющей. Данное видение утвердилось в среде профессиональных исследователей войны. Тот же В.Стецкевич отмечает «Особенно заметны изменения в мировоззренческих ориентациях исследователей, их приверженность к постижению истории в гуманитарных и антропологических измерениях». Однако он критически высказывается о состоянии изучения аспектов связанных именно с социальной историей: «...Жизнь гражданского населения, и особенно, его быт, повседневная жизнь, судьба простого человека, отдельных групп и сообществ, то есть все то, что требовало (и требует до сих пор!) так называемых микроисторических методологических подходов, описания повседневности человека, его психологии, настроений, душевного и морального состояния и т.п., почти не изучалось, или изучали очень поверхностно. Весь советский задел по истории войны – это иллюстрации ее историописания на макроуровне» [21, 173]. Давая основательную оценку историографии советских и отечественных ученых, он утверждает, что современная украинская историография, уделяя все больше внимания теме «Чело-

век в эпоху войны», начала вытеснять из исследовательского арсенала темы, посвященные описанию боевых действий и операций, историко-партийные сюжеты и т.д. По словам В.Стецкевича украинская военная историография «поднимается до постижения и освещение войны в гуманитарных измерениях – в тех, которые ставят человека в центре исследования» [21, 191].

Этой же позиции придерживается и известный теоретик истории повседневности А.Удод. Говоря о методологических основах изучения военного периода, он обращает внимание на три основных составляющие этого процесса – демифологизацию, дегероизацию и деромантизацию войны. Он отмечает, что «традиционная военная историография – это, по большому счету, макроистория» [23, 237].

Возможно именно из-за этих, обозначенных выше моментов, до сегодняшнего времени постсоветская историческая наука не может решиться на очистку от идеологических наслоений. Ведь в таком случае история войны будет видеться совсем другой, чем мы привыкли. Развернув парадигму на 180 градусов, мы получим войну глазами, даже не историков, и тем более не идеологов, а непосредственных ее свидетелей. Возможна ли подобная ситуация в сегодняшних условиях? Приведем тезис, выдвинутый российским ученым С.Журавлевым в предисловии к книге немецкого исследователя А.Людке «История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти» где он отмечает, что «отечественные научные школы еще должным образом не осознали, что за внешне безопасной вывеской Alltagsgeschichte (повседневная жизнь – авт.) скрывается опасный «троянский конь». Как только настоящая научная история повседневности окажется на поле традиционной историографии, инициированное ею изучения социальных практик, может поставить под сомнение общепризнанные научные концепции и написанные на их основе фундаментальные труды» [3, 10]. Выражаясь подобным образом, С.Журавлев объективно дает понять, что изображение исторической действительности «снизу» че-

рез призму микросоциальных явлений не является выгодным для уже существующих, устоявшихся концепций.

Красноречивой в этом отношении выглядит публикация польского исследователя А.Новака «Историк на поле битвы за память» где он задает риторический вопрос: «Кому принадлежат трупы жертв войны? Какой они национальности?» [14, 96]. Эти вопросы являются рефлексией ученого в честь торжеств, которые проводились в Польше 1 сентября 2009 года по случаю 70-й годовщины со дня начала Второй мировой войны. Возможно, в стране с европейской ментальностью смогли, увидели заложенный в подобном проявлении механизм способный возыметь нежелательное действие. А именно через героическую визию трагических событий прошлого можно разбудить нездоровые амбиции в современных обществах, где осколки войны можно использовать для разжигания межнациональной вражды. Стремление укорить по средством искусственно созданной в советское время идеологической модели, и тем самым дать понять свое место в историческом процессе «идеологическим оппонентам», перенеслось с теоретической плоскости в практическую. По-сути такая ситуация способна выступить элементом продолжения «холодной войны». В тоже время европейская модель исторической памяти о событиях Второй мировой войны призвана предложить «понимание» и «раскаяние» как базисные категории в осознании событий прошлого и моделирование будущего.

В продолжение этих рассуждений позволим себе обратиться к статье В.Стецкевича «Отечественное историописание войны (некоторые проблемы методологии)», вышедшей в 2006 году, в которой автор, на основании глубокого и взвешенного анализа взялся определить векторы развития проблематики войны в современной украинской историографии. В частности, анализируя антропоцентризм и украиноцентризм, как возможные модели теоретико-методологического развития, он повторяет свое мнение о том, что «тема «Человек в эпоху войны» выступает доминантной и позволяет показать войну, прежде всего в измерениях человеческой жизни, через судьбу обычного человека, ока-

завшегося в жерновах войны, а уже потом как историю военных событий на фронтах, историю партий, государственных и общественных структур и организаций, отраслей хозяйства и т.д.» [19, 78]. Стараясь очертить некоторые перспективы, автор выделил приоритетную проблематику – «Население Украины в годы войны 1939–1945 гг.».

Интересное наблюдение, в видении формирования идеологического измерения войны советской историографией в одной из своих работ привел А.Лысенко. В частности он отметил: «В отличие от западной историографии, в которой существовала не только конкуренция идей, но и конкуренция понятий, советская литература исторического профиля стала полигоном для испытания мощного идеологического оружия с дальним радиусом действия» [8, 7]. Ученый отмечает абсолютизацию и сакрализацию темы войны советской исторической наукой. В другой своей работе он утверждает: «Украина имеет собственный алгоритм формирования памяти о войне. Несмотря, что в советские времена она, по крайней мере, снаружи, имела унифицированный вид, на самом деле существовали существенные различия в восприятии военной поры примером в Украине, Российской Федерации...» [10, 8].

Подбирая название для научного форума, редакторы одного из отечественных научных журналов угадали с акцентом, трактуя период Второй мировой войны как вызов для украинской историографии. Участникам дискуссионного обсуждения на его страницах предлагалось высказаться относительно того насколько, по их мнению, термин «Великая отечественная война» способствует т.н. государственной мифологии, а также попытаться определить место украинского историографического дискурса в мире. В контексте вышесказанного заслуживает внимания тезис украинского исследователя И.Патриляка: «Пришло время перестать бояться говорить правду о минувшей войне и попытаться определить «украинский счет» не только категориями человеческих и материальных утрат, но и категориями морально-психологических и политических потерь и достижений украинской нации» [2, 48]. Безусловно, подобная рефлексия является иллюстрацией того,

о чем говорил М.Коваль, а именно – отечественные историки смогли «выдавить из себя раба», что позволило более объективно, на новом гносеологическом уровне воспринимать те события и явления, которые обрели парадную каноничность.

Не погружаясь подробнее в пространные профессиональные оценки, признанных научных авторитетов позволим себе согласиться с мнением о том, что общая тенденция в изучении Второй мировой войны склоняет современных исследователей признавать социальный вектор, как один из основоположных. Для объективного и полноценного исследования этого периода отечественной истории историки вынуждены придерживаться именно этой концептуальной парадигмы. Основными факторами, формирующими сегодня в Украине указанную позицию выступают уже упомянутый выше процесс деромантизации, а также украиноцентризм, обусловивший концентрацию именно на человеке в период войны. Во многом, Украина выступала в войне в качестве именно этнического субъекта. Даже тот факт, что украинцы были приписаны к единому советскому народу, а, следовательно, выступали частью населения огромной страны советов, не отняло у них собственной идентичности.

До недавнего времени украинской историографией почти не освещались вопросы жизни и быта человека в сверхсложных условиях военного лихолетья, не конкретизировались детали и особенности присущие существованию отдельных социальных групп. Подобное обстоятельство объясняется тем, что актуальное для европейской исторической мысли направление «история повседневности» сравнительно недавно начало утверждаться в постсоветской исторической науке. Долгое время проблематика повседневной жизни вообще не входила в спектр проблем, рассматриваемых отечественной исторической мыслью. В западной же историографии данное исследовательское направление известно с 1960-х гг.

В активе современных украинских историков войны на сегодня существуют исследования, сфокусированные на повседневной жизни

общества, отдельных слоев и групп населения [1, 4, 12, 13, 15, 18, 24, 26]. Ситуация такова, что именно украинский счет определил для отечественной историографии тенденции осмысления событий и явлений периода Второй мировой войны. Уход от марксистско-ленинской традиции историописания в условиях интеграции в систему европейской научной парадигмы и появление на фоне этого междисциплинарных гуманитарных исследований способствуют процессу антропологизации истории войны.

За последнее время отечественная историография второй мировой войны значительно обогатилась исследованиями, направленными на изучение судьбы рядовых граждан. При этом учитываются как общие слои, так и отдельные конкретные категории. Из подобных исследований следует выделить работы, посвященные украинским крестьянам, оstarбайтерам, военнопленным, детям войны, инвалидам и т.д. (А.Перехрест, Т.Пастушенко, С.Гальчак, Г.Голыш и др.). Подобный дифференцированный подход базируется на изучении конкретных особенностей, присущих каждой социальной группе. В совокупности это позволяет осмыслить значительно более широкий спектр проявлений военного лихолетья. Ведь за персональными судьбами отдельных людей видится общая тенденция, изображающая войну, не только как общественно-политическую, но и социальную, и личностную трагедию. В отдельных исследовательских монографиях и общих академических трудах помещены соответствующие разделы, где с позиции антропоцентризма отражены социальные аспекты и реалии повседневной жизни населения, стратегии выживания граждан, психологические факторы и т.д. [5, 7, 17, 25].

Взгляд с позиции современного национально-патриотического видения, определил поворот украинской исторической мысли в пользу социальной модели историописания. Это подтверждает и официальная стратегия развития отечественной исторической науки, представлена в Постановлении Президиума Национальной академии наук Украины от 5 мая 2010 года, где в частности определено, что приоритетным на-

правлением исследования указанного периода должно стать «осмысление гуманитарного и гражданского измерения войны в исторической ретроспективе и перспективе, выяснение места человека в вооруженном конфликте мирового масштаба и его последствий» [22]. Итак, человекоцентризм должен утвердиться, как один из элементов официальной доктрины развития изучения периода Второй мировой войны в Украине.

Для дальнейшего объективного изучения периода Второй мировой войны, по нашему мнению, следует заменить героико-патетическую эмоциональность в исследованиях эмоциональностью эмпирической. Сделать это нужно, прежде всего, для того, чтобы разобраться в сложных политико-социальных аспектах, определить роль и место отдельных социальных слоев в войне. Наряду с классическими традиционными схемами, исследователи должны пользоваться микроуровневым инструментарием, способным привлекать в научный оборот качественно новый эмпирический материал. В этом случае «история повседневности», как социально ориентированное направление (парадигма), выступает полновесной частью концепции изучения прошлого через оценку традиционных социальных практик и сфер общественной жизни в конкретный исторический период. Учитывая современные процессы развития отечественной исторической науки, именно социальная модель осмысления войны выглядит на сегодня более оправданной и общественно востребованной. Ведь именно она способна осуществить основную задачу, выдвигаемых перед историком войны – всестороннего беспристрастного осмысления событий, явлений, фактов героического и трагического прошлого, настоящим и единственным измерением которого выступает человеческая жизнь. В завершение обратимся к обширной цитате М.В. Ковалю, где, по нашему мнению, представлен передовой взгляд, обусловивший развитие отечественной историографии войны в сторону изучения ее социальной составляющей. Ученый утверждает, что легендарное поколения военной эпохи

будет лишь униженно фальсификацией истории. В частности, он заявляет: «Именно горькая правда народной трагедии и героизма, а не подслащенная ложь способна возбуждать и укреплять искренние, а не фальшивые патриотические чувства, добрую, а не равнодушную память, уважение, а не презрение» [6, 4].

Таким образом, видим, что в независимой Украине образовалась устойчивая тенденция к изучению событий Второй мировой войны через призму социальной истории. Весь историографический процесс последних лет связан с осознанием того, что история должна приобрести человеческое лицо. Хочется верить, что обозначенный социальный подход, если не нарушит, то, непременно, потеснит с исторического пьедестала монолитный безапелляционный идеологический миф о Великой Победе как о панацее для сегодняшнего мирного сосуществования народов. За подобной визией не возможно увидеть реальной картины прошлого. Скрупулезная работа с источниками, должна определить равное место в исторических исследованиях, как подвигу, так и трагедии. Только тогда тема «Человек и война» сможет быть объективно изучена и воспринята обществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Боряк О. Повсякденне життя сільського населення України в період окупації під час Другої світової війни / О.Боряк // Архіви України. 2005. №1-3(256). С. 450-469.
2. Друга світова війна як виклик для української історіографії // Україна модерна (Війна переможців і переможених). Ч. 13(2). Київ-Львів, 2008. 383 с.
3. Журавлев С.В.История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / Вкн. Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А.Людке / М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
4. Заболотня Т.В. Повсякденне життя населення Києва в роки нацистської окупації 1941–1943 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Т.В. Заболотня; НАН України, Ін-т історії України. К., 2008. 20 с.
5. Історія українського селянства: Нариси в 2-х т. / НАН України; Інститут історії України / В.А. Смолій (відп.ред.). К.: Наук. думка, 2006. Т. 2. 653 с.

6. Коваль М.В. 1941-й рік і проблеми історичної пам'яті // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 7: У 2 ч. / НАН України. Ін-т історії України; Відп. ред. В.А. Смолій. К., 2003. Ч. 1. 319 с.
7. Кучер В.І. Україна 1941–1944: трагедія народу за фасадом Священної війни: Монографія / Кучер Володимир Іванович, Потильчак Олександр Валентинович. К.; Біла Церква: ТОВ «Білоцерківдрук», 2011. 368 с.
8. Лисенко О.Є. Деякі методичні проблеми дослідження історії Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 12 / Відп. ред. В.А. Смолій. НАН України. Ін-т історії України. К., 2009. 412 с.
9. Лисенко О.Є. Один народ – дві історії айни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 8: У 2 ч. / НАН України. Ін-т історії України; Відп. ред. В.А. Смолій. К., 2004. Ч. 1. 326 с.
10. Лисенко О.Є. Україна по війні: підсумки та перспективи // Вісник черкаського університету – Серія: Історичні науки. Вип. 202. Ч. 1. Відповідальний за випуск: Перехрест О.Г. Черкаси, 2011. 152 с. С. 8.
11. Мінгазутдінов А.Ф. Причини трагедії початкового періоду Великої Вітчизняної війни в новій українській історіографії // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 7: У 2 ч. / НАН. Ін-т історії України; Відп. ред. В.А. Смолій. К., 2003. Ч. 1. 319 с.
12. Нагайко Т. Життя селян на окупованій території України в роки Другої світової війни / Нагайко Т. // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т історії України. К., 2007. Вип. 11. С. 148-165.
13. Нагайко Т.Ю. Повсякденне життя сільського населення у 1941–1945 рр. (на матеріалах центральних областей України): Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. / Державний вищий навчальний заклад «Переяслав-Хмельницький держ. педагогічний ун-т ім. Григорія Сковороди». Переяслав-Хмельницький, 2009. 273 с.
14. Новак А. Історик на полі битви за пам'ять // Україна модерна (Пам'ять як поле змагань). Ч. 15(4). Київ-Львів, 2009. 353 с.
15. Перехрест О.Г. Життя українського селянства в роки нацистської окупації 1941–1944 рр. / О.Г. Перехрест // Наук. записки Вінницького держ. пед. ун-ту ім. М.Коцюбинського: зб. наук. пр. Серія. Історія / за заг. ред. П.С. Григорчука. Вінниця, 2005. Вип. 9. С. 163-172.
16. Сербин Р. Україна після 22 червня 1941 року: міфи та реальність // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 7: У 2 ч. / НАН України. Ін-т історії України; Відп. ред. В.А. Смолій. К., 2003. Ч. 1. 319 с.
17. Скоробагатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Х.: «Прапор», 2006. 376 с.; Беркгоф К. Жнива розпачу: Життя і смерть в Україні за нацистського режиму / Пер. з англ. Тараса Цимбала. Київ: «Критика», 2011. 455 с.
18. Стецкевич В. Людність Наддніпрянщини в добу окупації: деякі аспекти буття і виживання // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України НАН України, 2010. Вип. 13. 261 с. С. 125-136.

19. Стецкевич В.В. Вітчизняне історіописання війни 1939–1945 рр. (деякі проблеми методології) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 10. Ч. 1. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. 494 с.
20. Стецкевич В.В. Історіософські осягнення війни 1939–1945 рр. М.В. Ковалем (суб'єктивні роздуми, рефлексії та прикладні висновки) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Вип. 8: У 2 ч. / НАН України. Ін-т історії України; Відп. ред. В.А. Смолій. К., 2004. Ч. 1. 326 с.; Ч. 2. 335 с. С. 15.
21. Стецкевич В.В. Україна в роки навали 1941–1945 рр.: спроба аналізу сучасного історіописання окупаційної доби та актуалізації проблеми // Сторінки воєнної історії України: зб. наук.ст. / НАН України, Ін-т історії України. К., 2005. Вип. 9, ч. 1. С. 173.
22. Постанова президії Національної академії наук України Сучасні дослідження історії Великої Вітчизняної війни: проблеми теорії, методології, методики. (Електронний ресурс) // <http://www.nas.gov.ua/infrastructures/Legaltexts/nas/2010/regulations/Pages/140.aspx>
23. Удод О.А. Деромантизація історії війни як методологічна проблема // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т історії України. К., 2005. Вип. 9, ч. 1. С. 237.
24. Удод О. Повсякденне життя киян в умовах окупації (вересень 1941 – листопад 1943): питання методології та історіографії // Проблеми історії України : факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. / Ін-т історії України НАН України. К., 2006. Вип. 15. С. 384-391.
25. Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ століття. Історичні нариси / Ред. кол.: В.А. Смолій (голова колегії), Г.В. Боряк, Ю.А. Левенець, В.М. Литвин, О.Є. Лисенко (відп. ред.), О.С. Онищенко, О.П. Реєнт, П.Т. Тронько; Рецензенти: О.С. Рубльов, В.Ф. Шевченко. НАН України. Інститут історії України. К.: НВП «Видавництво «Наукова думка, НАН України», 2011. Кн. 2. 943 с.
26. Шайкан В. Повсякдення українців у роки німецької окупації. 1941–1944. К., 2010. 80 с.